

Василий Васильевич Радлов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1971**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

*Памяти академика
Василия Васильевича Радлова
посвящается*

«Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В. В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

С. Ф. Ольденбург

Э. Р. Тенишев

В. В. РАДЛОВ — ФОНЕТИСТ И ГРАММАТИСТ

В краткой статье невозможно дать полный анализ трудов В. В. Радлова по фонетике и грамматике тюркских языков. Посильна другая, более скромная задача — определить источники общелингвистических взглядов В. В. Радлова и основные направления его идей в области тюркской фонетики и грамматики.

Будучи студентом Берлинского университета, В. В. Радлов начиная с 1854 г. слушает лекции по теории языка и сравнительному языкознанию у ранних компаративистов — Франца Боппа и будущего основателя течения «народной психологии» Геймана Штейнталя.

На полгода В. В. Радлов едет в соседний город Галле, чтобы специально заниматься у А. Потта, прославившегося трудами по этимологии и фонетике германских языков.

Концепция А. Потта и в дальнейшем была В. В. Радлову ближе, чем концепция Г. Штейнталя, — по В. В. Радлову, те или иные лингвистические явления связаны с общечеловеческой индивидуальной психологией, а не с психологией массовой, народной¹.

Под влиянием В. Шотта В. В. Радлов решает посвятить себя ориенталистике и еще на студенческой скамье с увлечением штудировать знаменитый труд О. Бётлингга о якутском языке.

Получив докторскую степень в Йене в мае 1858 г., В. В. Радлов летом того же года приезжает в Петербург.

¹ «Общенародный язык состоит из языков отдельных индивидуумов» (*Die Lautalternation*, Berlin, 1882, стр. 58); см. также возражение В. В. Радлова Г. Штейнтало по поводу «духовной инертности» как причине гармонии гласных (*Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882), о наблюдениях над детским языком в выяснении «техники языка» (*Einleitende Gedanken*, St.-Pbg., 1906, стр. 8).

После недолгой подготовки (через год) он едет на Алтай в качестве преподавателя горного училища в Барнауле. В течение двенадцатилетнего пребывания на Алтае В. В. Радлов с горячим энтузиазмом собирает огромный материал по языкам и устному творчеству тюрков Алтая, Сибири и Средней Азии.

К концу алтайского периода научной деятельности В. В. Радлова выходят из печати четыре тома «Образцов народной литературы тюркских племен».

Совершенно новый лингвистический материал требовал скорейшего осмысления. Он увлекал мысль и волю ученого на поиски закономерностей процесса расчленения общезыкового состояния тюркских народов, подтверждал необходимость широкой разработки фонетического и морфологического строя тюркских языков.

Для В. В. Радлова наступила пора синтеза накопленного материала. Он был возможен, разумеется, благодаря опыту, приобретенному им в результате занятий теоретической лингвистикой.

Переезд в 1872 г. в Казань помог В. В. Радлову найти сочувственную своим интересам среду. В Казани он встретился с И. А. Бодуэном де Куртенэ, который начинал профессорскую деятельность в университете.

Научное содружество и личные отношения двух ученых продолжались много лет и после отъезда их из Казани. Кроме чтения лекций И. А. Бодуэн де Куртенэ руководил кружком лингвистов-теоретиков.

Впоследствии кружок Бодуэна де Куртенэ стал называться «казанским». В него вошли Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, С. К. Булич и др.

Наиболее усердным посетителем и участником кружка был В. В. Радлов, а в 1881—1882 гг., во время отсутствия Бодуэна де Куртенэ в Казани, даже руководил вместе с Н. В. Крушевским занятиями кружка.

Влияние И. А. Бодуэна де Куртенэ и его школы на В. В. Радлова несомненно, поэтому нельзя не коснуться взглядов самого Бодуэна и позиции Казанского кружка.

И. А. Бодуэн де Куртенэ был одним из основателей младограмматического направления в лингвистике конца XIX и начала XX в. В начале века он одним из первых выступил против господствовавших тогда идей. И. А. Бодуэн де Куртенэ подверг сомнению реальность «звуковых законов», «родословного древа» языковой семьи и реконструируемых нередко механически «праязыков».

И. А. Бодуэн де Куртенэ — основоположник фонологии, или «теории фонем». Ему принадлежит теория фонетических

альтернатив — чередований. Он развил и глубоко разработал свои фонетические идеи, тесно связанные с понятиями морфологизации и семасиологизации.

«Фонемы... становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями», — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ в 1917 г. во «Введении в языковедение»². Эти представления, по Бодуэну, «определяются альтернативами или чередованиями»³.

Для И. А. Бодуэна де Куртенэ постижение системы языка заключается в исследовании «фонетической структуры слов и предложений», «морфологической структуры слов» и «морфологической структуры предложений». Синтаксис он считал «морфологией высшего порядка», так как морфология в широком смысле у Бодуэна де Куртенэ — «душа» языковой системы.

И. А. Бодуэн де Куртенэ придавал большое значение исследованию живых языков, видел в этом основу общей теории языка.

Вот что он писал по этому поводу: «Для языковедения, как науки всесторонне обобщающей, гораздо важнее исследование живых, т. е. теперь существующих языков, нежели языков исчезнувших и воспроизводимых только по письменным памятникам... Только лингвист, изучивший всесторонне живой язык, может позволять себе делать предположения об особенностях языков умерших. Изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших»⁴. Позиции Казанского кружка во многом определялись взглядами его главы — И. А. Бодуэна де Куртенэ⁵.

Все эти воззрения импонировали В. В. Радлову и побуждали его к деятельности в духе Казанского кружка.

Это вызывало, в свою очередь, дружеское внимание к В. В. Радлову со стороны И. А. Бодуэна де Куртенэ и его последователей. Не простой случайностью надо считать то, что именно Бодуэн де Куртенэ в 1876 г. первым упомянул в печати о будущей «Vergleichende Grammatik» тюркских язы-

² «Избранные труды по общему языкознанию», т. II, М., 1963, стр. 276.

³ Там же, стр. 277.

⁴ Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка, — «Избранные труды по общему языкознанию», I, 1963, стр. 349.

⁵ По поводу новейших лингвистических трудов В. А. Богородицкого, — «Избранные труды по общему языкознанию», II, стр. 51—52.

ков, которая, по-видимому, была только что написана В. В. Радловым.

«Знаменитый лингвист и один из лучших знатоков туранских языков, В. В. Радлов сообщил мне весьма интересные... данные из исследованных им наречий тюркских племен южной Сибири и Дзунгарской степи. Сообщения В. В. Радлова я заимствую частью из его рукописи — грамматического очерка названных наречий, — частью же из разговоров с ним», — сообщал И. А. Бодуэн де Куртенэ в сочинении о резьянском языке⁶.

Рукопись нового труда, который сначала назывался «Grammatische Untersuchungen auf dem Gebiete der nördlichen Türk-Sprachen, T. 1. Phonetische Untersuchungen», В. В. Радлов отдал в историко-филологическое отделение Академии наук. Рецензирование было поручено комиссии в составе академиков Б. А. Дорна, Ф. И. Видемана и В. Р. Розена. На заседании отделения в декабре 1879 г. комиссия рекомендовала издать труд В. В. Радлова предпочтительно на русском языке⁷.

Перевод работы на русский язык потребовал бы новых напряженных усилий.

Это и было причиной того, что труд В. В. Радлова вышел в свет в Лейпциге спустя два года под несколько измененным названием «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk-sprachen, Erster Theil. Phonetik der nördlichen Türk-sprachen».

В. В. Радлов рассматривал свою работу как продолжение известного труда О. Бётлингга. В строго продуманном порядке В. В. Радлов дает изложение вокалической и консонантной систем более двадцати тюркских языков по доступным ему материалам, большая часть которых добыта им самим.

В. В. Радлов не оперирует понятием фонемы — понятие фонемы у самого Бодуэна появляется только к 1880 г.

Звуки языка понимаются как антропофонетические единицы («Physiologie der Sprachlaute») и описываются в артикуляционно-акустических терминах авторитетов общей фонетики Зиверса и Лепсиуса.

Центральное место в системе вокализма тюркских языков В. В. Радлов отводит гармонии гласных. Особо подчеркивается им роль гармонии гласных в тюркском слово- и формообразовании. Мысль о связи гармонии гласных с агглютинацией после В. В. Радлова будет высказываться многими исследователями-тюркологами, да и не только ими, но и мон-

⁶ Резья и резьяне, — «Славянский сборник», III, СПб., 1876, стр. 326.

⁷ ЗАН, СПб., 1880, XXXVI, стр. 343.

голистами и тунгусо-маньчжуроведами: широкий исторический фон урало-алтайских языков, приводимый В. В. Радловым, дает достаточно пищи для размышлений.

Касаясь генезиса гармонии гласных в тюркских языках, В. В. Радлов вслед за Бодуэном де Куртене развивает мысль о морфологическом пути. Интерес к этой гипотезе начал оживать не так давно. На тюркском материале гипотеза детально разрабатывалась в последние годы М. А. Черкасским.

В вопросе о количественной характеристике гласных В. В. Радлов высказал мнение в противовес О. Бётлингу об отсутствии в тюркских языках первичных долгих гласных. В 1924 г. Е. Д. Поливанов снова вернулся к этому вопросу.

После появления в 1929 г. русско-туркменского словаря А. Алиева и Қ. Бориева с обозначением долгот существование первичных долгих гласных в современных тюркских языках было доказано в работах Л. Лигети, К. Менгеса и М. Рясенена. Недавняя очень обстоятельная работа Османа Недима Туна позволяет считать весьма вероятным наличие первичных долгот в языке орхоно-енисейских и уйгурских памятников.

В разделе, посвященном тюркскому консонантизму, В. В. Радлов впервые высказал свои соображения относительно консонантизма древнеуйгурского языка, положив в его основу «алтайскую» (или южносибирскую) систему согласных. Впоследствии эту систему он применил для транскрипции «Кутадгу билиг».

В. Томсен, пользуясь рифмами «Кутадгу билиг», обосновал свою точку зрения на фонетическую структуру языка памятников уйгурской письменности, совпадающую, в общем, со структурой западнотюркских языков.

Общепринятая теперь система В. Томсена не снимает многих трудностей и непоследовательностей чтения уйгурских текстов. Определение звукового (= фонемного) состава по одной только (в данном случае конечной) позиции явно недостаточно: остается открытым вопрос о согласных в начале слов.

Многих затруднений можно избежать, руководствуясь при транскрибировании уйгурских памятников системой согласных тюркоязычных желтых уйгуров и принимая во внимание лингво-генетические и историко-культурные условия,— как того хотел в свое время В. В. Радлов.

«Фонетика» В. В. Радлова после выхода в свет вызвала далеко не одинаковые суждения в кругу специалистов. Очень благожелательные отзывы о книге дали Техмер, Габеленц, Флейшер и многие другие. Критика, порой преувеличенно резкая, раздалась со стороны В. Д. Смирнова и В. Банга. На то

были свои причины, не всегда, вероятно, продиктованные только научными интересами.

В. В. Радлов написал свою работу, впервые вносящую методику компаративизма в тюркологию, в то время, когда еще не было материалов по руническим и уйгурским памятникам, не было «Дивана» Махмуда Кашгарского и многого другого.

Но то, что было, использовано В. В. Радловым в полной мере. Богатое фактическое содержание — неувядающая ценность его «Фонетики». Ее идеи сквозь завесу времени все еще пробиваются к нам. Трудно назвать современную серьезную работу, в которой не упоминалась бы «Фонетика» В. В. Радлова. Таким образом, говорить о ней как о целиком и полностью устарелой работе было бы преждевременно.

Если в «Фонетике» нет даже намека на понятие фонемы, то в следующей работе В. В. Радлов подошел очень близко к пониманию фонемы. Полное название этой работы — «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türkssprachen».

В основу статьи положено выступление В. В. Радлова на V Международном съезде востоковедов в сентябре 1881 г. в Берлине. Она была опубликована в следующем, 1882 г. в докладах съезда.

Статья появилась несколько раньше «Фонетики», но написана, конечно, после нее.

Дух и идейные устремления «казанской школы» нашли в этой статье наиболее полное воплощение. В. В. Радлов упоминает в ней «языковедный» кружок под эгидой проф. Бодуэна де Куртенэ и работу Н. В. Крушевского «Ueber die Lautabwechselung» (Казань, 1881) — результат исследовательской деятельности кружка.

Работа Н. В. Крушевского явилась образцом, которому В. В. Радлов в общих чертах следует.

«Перед языкознанием, — пишет В. В. Радлов, — стоит задача исследовать человеческий язык с его действующими силами и найти законы, которые управляют языковыми явлениями. Это возможно тогда, когда исходят из разговорного языка. Только исследование живых языков в их тончайших диалектальных нюансах и различиях, которые мы в состоянии наблюдать в речи отдельных индивидуумов, позволяют нам дать картину того, как общенародный язык... развивается»⁸.

Изменение звуков в каждом языке происходит постепенно, но непрерывно и не везде одинаково.

Каждый язык регулируется двумя факторами: 1) физиче-

⁸ W. Radloff, Die Lautalternation und ihre Bedeutung, стр. 58.

ским фактором (воспроизведением звуков); 2) психическим фактором (применением звуков для передачи мысли).

В «регулирующих факторах языка» В. В. Радлова кроется мысль, соответствующая Бодуэновскому пониманию фонемы в начале 1880-х годов как психологического эквивалента звука.

Причинами произвольных звуковых перемен, по Радлову, являются: 1) комбинаторные условия; 2) позиционные условия; 3) ударение.

Звуковые изменения, наступающие при названных условиях и именуемые В. В. Радловым «combinatorische Lautwandel», соответствуют современному понятию «реализация фонем».

В результате «комбинаторных перемен» наступают чередования, которые В. В. Радлов вслед за Бодуэном де Куртенэ называет дивергенцией, а чередующиеся звуки — дивергентами: *aq ~ aqar*, *jar ~ jabut* и т. д.

Те чередования, которые нельзя объяснить ни физическими причинами, ни комбинаторными условиями, В. В. Радлов, как и Н. В. Крушевский, называет корреляцией, а чередующиеся звуки — коррелятивами: начальные *j ~ j* (в татарском языке) и начальные *č ~ n* (в хакасском языке).

Наконец, третий вид чередования — переменная корреляция, или звукокомпенсация, отличается от дивергенции следующим: 1) чередования происходят без видимой причины; 2) чередования связаны с определенными морфологическими категориями: *adyt ~ älit*; *qutʻan ~ pilgän* и т. д.

Эти живые альтернативы, связанные с морфо- или семасиологическими представлениями, ведут к пониманию фонемы как функциональной единицы. Здесь наметился подход к пониманию фонемы (Lautcomplex у В. В. Радлова), идущий также от Бодуэна, который позитивную функцию фонемы ставил выше смысла различительной.

В статье В. В. Радлова многое связано с воззрениями самого Бодуэна де Куртенэ. Даже термин «Lautalternation» Бодуэна он предпочитает термину «Lautabwechselung» Крушевского. Работа В. В. Радлова, естественно, сразу же привлекла внимание И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Бодуэн дважды обращается к работе В. В. Радлова — в очерке о Н. В. Крушевском и в работе «Опыт теории фонетических альтернатив». Он перечисляет положения В. В. Радлова и с удовлетворением отмечает совпадение их со своими собственными⁹.

⁹ См.: «Николай Крушевский, его жизнь и научные труды», — Избранные труды, т. I, стр. 170, сноска 19 и «Опыт теории фонетических альтернатив», — там же, стр. 270—271.

Оба труда В. В. Радлова — «Фонетика» и «Альтернатива» — относятся в основном к статике языка.

Работа «Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems», написанная в 1901 г., т. е. уже в петербургский период жизни Радлова, трактует вопрос, принадлежащий целиком к динамике языка. Эта работа В. В. Радлова появилась как ответ на утверждение К. Фоя о том, что мнение Радлова о первоначальности гласных *ä* и *i* в тюркских корневых морфемах ошибочно¹⁰.

В. В. Радлов обосновывает невозможность соответствия *ä* ~ *i* в языке с гомогенной системой следующим образом: в живом, разговорном языке колебания *ä* ~ *i* возможны у одного и того же лица, если оно владеет не одним только, но и другим диалектом; в случае письменного языка колебания *ä* ~ *i* объясняются или влиянием литературного языка (сельджукские стихи), или воздействием языка переписчика («Кутадгу билиг»), или неустойчивостью орфографии адаптированной письменности (орхонские памятники), в остальных случаях *ä* ~ *i* не имеет места.

С этим можно было бы согласиться, если бы не обильный материал, накопленный после работы В. В. Радлова, не согласующийся с его схемой.

Колебания *ä* ~ *i* вместе с колебаниями по губному ряду (*o* ~ *u*, *ö* ~ *ü*) существуют не только в языке отдельного человека, но и в говорах и в диалектах очень многих тюркских языков. Точнее, это тенденция всех тюркских языков, как доказывает Г. П. Мельников. Сказывается общее стремление к уменьшению подъема, ведущее к частичному совмещению признаков *i*, следовательно, к ослаблению прежних фонологических значимостей.

Известно, что В. В. Радлов работал над второй частью сравнительной грамматики — морфологией. Рукопись в незаконченном виде была передана А. Н. Самойловичу. Судьба ее неизвестна.

В 1906 г. появилась в печати единственная работа В. В. Радлова по теории тюркской грамматики «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen», являющаяся введением к его незаконченной сравнительной морфологии.

Вся работа пронизана размышлениями Радлова о тюркской «языковой технике» — агглютинации — в связи с типологической классификацией языков.

Следуя Г. Штейнталу и А. Потту, В. В. Радлов помеща-

¹⁰ К. Foy, Türkische Vokalstudien besonders das Köktürkische und Osmanische betreffend, — MSOS, Berlin, 1900, III, Abt. 2.

ет «агглютинирующие» языки после «изолирующих» и перед «флектирующими».

В. В. Радлов подчеркивает, что в каждом языке можно найти следы изолированного, агглютинативного и флективного строя, но господствующим является только один вид «языковой техники».

В тюркском агглютинативном комплексе В. В. Радлов различает *Inhaltsstoff* (основа + словообразовательные аффиксы) и *Formstoff* (словоизменительные аффиксы и частицы).

В. В. Радлова занимает и генезис агглютинативных единиц — аффиксов и основ. Далеко не все аффиксы, по мнению В. В. Радлова, можно объяснить, оставаясь на тюркской почве, — большинство их являются общими и для тюркских, и для монгольских, и для тунгусо-маньчжурских языков. Наряду с процессом сращения аффиксов с основой идет процесс зарождения новых аффиксов.

В. В. Радлов приводит примеры подобных новообразований — условн. афф. *-sa* из древнего *-sar*; афф. *-duγan* из *turγan*; афф. *-daš* из *-d + eš* 'товарищ'; афф. *-nyu* и *-ny*, обращая внимание на явления опрощения и аналогического выравнивания форм, свойственные флективным языкам.

Большое количество многосложных корней образовалось из односложных путем присоединения к ним аффиксов, теперь не осознаваемых как таковые (*jalabač, jytqy, küskü* и др.).

Часть односложных корней возникла, наоборот, из многосложных путем фонетической модификации исходного комплекса.

Иными словами, тюркский корень — научная фикция, как декларировал за несколько лет до работы В. В. Радлова В. Грёнбек. Многие из этих суждений прочно вошли в современное тюрковское языкознание.

Работа В. В. Радлова «*Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie*» вызвала большой интерес у И. А. Бодуэна де Куртенэ и вызвала письменный отклик — «Заметки на полях сочинения В. В. Радлова»¹¹.

Признавая, что «в указанном труде В. В. Радлова вопрос морфологической классификации языков сведен более или менее на настоящую почву и освещен надлежащим образом»¹², Бодуэн де Куртенэ высказывает критические замечания и соображения по поводу сложившихся представлений о морфологической классификации языков, о различии флексии и агглютинации и др.

Следует сказать, что Бодуэн де Куртенэ постоянно проявлял дружеское внимание к Радлову. Сохранилось много пи-

¹¹ См.: Избранные труды по общему языкознанию, т. II, стр. 175—186.

¹² Там же, стр. 179.

сем Бодуэна к Радлову с 1877 по 1915 г., которыми должны заинтересоваться историки науки¹³.

Общелингвистические воззрения В. В. Радлова получили отражение и в других его работах — о транскрипции для тюркских текстов, получившей потом название «радловской», о языке команов, о якутском языке в его отношении к другим тюркским языкам, о грамматике языка орхонских текстов, о морфологии чувашского языка (рукопись).

Даже из этого беглого обзора работ В. В. Радлова можно прийти к заключению о том, что В. В. Радлов как теоретик-лингвист следовал наиболее передовым взглядам своего времени, тем взглядам, которые находятся у истоков современного языкознания, и что он создал труды, сохранившие свою ценность до наших дней.

Количественно их, правда, немного. И в этом есть свой резон. Отдавая должное теории, В. В. Радлов главной своей задачей в тот период все же считал создание материального фундамента будущих лингвистических исследований. Вся энергия его уходила на неутомимую деятельность по изданию «Образцов», «Словаря», а затем и материалов по языку рунических и уйгурских памятников.

Именно это и принесло ему, по словам Л. Штернберга, заслуженную славу «Колумба тюркских языков и тюркских народов».

¹³ За справку приношу признательность А. А. Леонтьеву.